

Л.С. Васильев

ВШЭ

**Несколько слов о 2-м томе
10-томной «Истории Китая»**

К сожалению, том этот не удался. Больше того, я чувствую себя в некотором смысле совинновником этой неудачи. Когда инициатор и главный редактор проекта С.Л. Тихвинский обратился ко мне с предложением взять на себя заботу об этом томе, я отказался. Для этого были объективные предпосылки, ибо именно в те годы, 1990–2006, я опубликовал три тома под названием «Древний Китай». Последний из них был специально посвящён как раз этому периоду древнекитайской истории – Чжаньго. В нём было тогда сказано всё, что я знал и мог сказать о том периоде истории Китая. Как легко понять, заново понадобившийся тогда такой же том в рамках некоего нового объёмного проекта, которым мне было предложено заняться, был бы чем-то лишним. Мне практически нечего было сказать помимо того, что сказал. Пусть возьмутся другие и, что-то добавив или по-своему скомпоновав, предложат в каком-то виде заново. Кроме того, я только что несколько изменил профиль своих научных интересов и, став заведующим созданной в то время кафедры истории ВШЭ, обязан был позаботиться о преподавании в том вузе истории, для чего самоотверженно взялся за написание 6-томной «Всеобщей истории» (первые тома стали издаваться в 2007 г., а весь написанный мной шеститомник появился на свет в 2012–2013 гг.).

Словом, у меня появилось немало новых забот, которыми я был тогда поглощён. И когда я узнал, что вторым томом проекта будет вместо меня заниматься Л.С. Переломов, то с лёгким сердцем предложил ему брать всё необходимое из моего только что написанного тома о Чжаньго. Он было с удовлетворением откликнулся, но потом

© Васильев Л.С., 2014

почему-то передумал. Видимо, хотел сделать всё заново, что трудно ставить ему в вину. Другое дело – что именно из его замысла получилось. Получилось, на мой взгляд, плохо. С моей точки зрения, это шаг назад по сравнению с моим томом о Чжаньго, который был опубликован в том же издательстве, что и его нынешний, всего 6–7 годами раньше. Не стану в деталях разбирать недостатки и неудачи авторского коллектива и прежде всего ответственного за том его редактора, тем более, что это уже сделано в отзыве А.И. Кобзева. Я вижу свою задачу в другом. Читатель должен понять, что в этом томе в целом не так, и чего в нём, на мой взгляд, не хватает, отчего я, как и Кобзев, считаю его неудачей.

Теперь об этом. Весь проект когда-то замыслился как полноценный и максимально подробный сводный генеральный многотомник о Китае. Разумеется, не только об истории, хотя заголовки томов об этом постоянно напоминают. Но всё же об истории в первую очередь и главным образом. Этого, к сожалению, не получилось. И не столько потому, что история была оттеснена множеством других тем и сюжетов, имеющих разное отношение к Китаю периода Чжаньго или даже мало с ним связанных, сколько из-за того, что эти темы и сюжеты начисто оттолкнули авторов и редактора тома от главного, от самой истории Чжаньго. Её не то чтобы вовсе нет; но она не выделена, не обозначена всерьёз, не вписана в общую историю великой страны. Не стало читателю ясно, какое место в этой огромной истории и почему занял период Чжаньго. И хотя о том периоде многое сказано, но так и не объяснено, какую роль сыграл он в древнекитайской истории, даже вообще – что он такое по самой своей сути.

Собственно история представлена в томе лишь отрывками из серьёзного исследования на эту тему, проделанного в своё время питерским синологом К.В. Васильевым, моим однофамильцем. Он был знающим специалистом, но уже задолго до того времени, в 1987 г., ушёл из жизни и потому вмешаться в процесс работы над томом никак не мог. Это требовало от авторов и редактора тома особой, я бы сказал, внимательности, заботливости и тщательности при работе с его материалами. Но, судя по результатам, ничего такого не было. То в тексте тома предлагаются без закавычивания и каких-то дополнительных пояснений куски из книги К.В. Васильева, то куски обрываются, после чего сам феномен Чжаньго как длительного, двух-трёхвекового периода противоборства основных крупных и нескольких средних по размеру и силе царств (каждое, замечу, размером с европейское государство типа Франции, Италии или Англии), ведущих ожесточённую борьбу за выживание и первенство, не проясняется. А ведь даже название периода («сражающиеся, борющиеся

царства-государства») свидетельствует о его специфике. Ведь далеко не всегда два-три века подряд проходили в отчаянных войнах царств друг с другом. Откуда они, эти войны, и почему? Чего хотели их правители, и куда глядел сакрализованный государь, сын Неба, которому формально все они вроде бы подчинялись?

Нет ничего толком об этом. Словом, было бы хорошо, если бы материал К.В. Васильева был предложен в достаточном объёме и к тому же в обстоятельно и вполне заботливо переработанном виде. Однако снова повторю, этого не произошло. История не то чтобы вовсе повисла, но оказалась нескладно и крайне недостаточно представленной. Неясно, что это за история, с чего она началась, как шла, чем и почему именно так завершилась. Неясен даже облик общества, в рамках которого шёл тогда исторический процесс. А оно, то самое общество, было крайне интересным и для интересующихся историей – а другие едва ли возьмут тот том в руки – очень поучительным.

Дело в том, что это был период **феодальной раздробленности**, но такой, которая не имеет никакого отношения к так называемой марксистской феодальной формации. Древнекитайское общество, его сравнительно ранняя урбанистическая цивилизация и первые возникшие в нём города эпохи бронзового века датируются примерно II тыс. до н.э., тогда как все будто бы существовавшие до того являются лишь отголосками легенд. Самые первые городища, детально исследованные археологами и ныне хорошо изученные, относятся либо к очень ограниченному ареалу в районе г. Аньяна в бассейне Хуанхэ и датируются временем династии Шан-Инь (погибла в XI в. до н.э.), либо к более позднему времени сменившей шанцев местной династии Чжоу.

Чжоу в свою очередь делится на периоды Западная Чжоу (1027–771 до н.э.) и Восточная Чжоу. Восточная Чжоу с его понемногу заметно ослабевавшими правителями-ванами, сыновьями Неба, и складывавшимися за первые века существования династии и господства достаточно крепких правителей Западной Чжоу представлениями о мощи заботливо-добродетельной власти правителя Китая (*Тянь-ся*, Поднебесная), в свою очередь, делится на два периода. Это Чуньцзо (Вёсны-осени – от названия хроники, приписываемой кисти Конфуция; VIII–V вв. до н.э.) и Чжаньго.

Собственно, с этого рецензируемый том и должен был бы начаться, дабы читатель понял место событий и всего приведённого авторами материала в контексте древнекитайской истории. Это не сделано; соответственно многое остается недостаточно внятным и в конечном счёте непонятным во всей этой необычайно интересной истории.¹ Интересно более всего то, что чжоуский Китай демонстрирует миру с

необычайной яркостью тот уже упомянутый мной феномен **феодалной раздробленности**, который все школьники и соответственно учившиеся в школе знают в основном по раннесредневековой истории Франции. Она с её феодами и уделами, с королём, герцогами, маркизами, графами, а также виконтами, баронами и просто рыцарями, – образец сюзеренитета-вассалитета с генеральным принципом «Вассал моего вассала – не мой вассал», хорошо известна всем. Это время ожесточённой междоусобной борьбы за территории и зависимых от них крестьян, это период отчаянных рыцарских сражений с соблюдением хорошо знакомой читателю по раннесредневековой Европе именно рыцарской этикой.

Так вот, всё это – и правитель-*вана*, и князя-*чжухоу* (отдельно разные по значимости аристократы с соответствующими титулами: *гун, хоу, бо, цзы, нань*), и вассально-сюзеренные связи, и постоянные феодально-рыцарские войны – было в Чжоу. Начавшись с самого начала династии, понемногу развиваясь и усложняясь, всё это достигло пика как раз в период Чжаньго. Борьба владетельной титулованной аристократии между собой, борьба различная по характеру, вплоть до выступлений против правителя-*вана* (сына Неба), а также борьба остро соперничавших друг с другом сановников-*цинов* внутри некоторых царств, особенно крупных, что подчас вело даже к разделению царства на части, – это реалии периода Сражающихся царств. Добавьте к этому устремления сильных царств в сторону аннексии слабых, особенно на окраинах Чжунго (Срединный Китай). Учтите усиливавшиеся со временем тенденции уцелевших и сильных правителей царств с их прежними титулами князей-*чжухоу* присвоить себе высший феодальный титул *ван* и тем как бы сравняться с сыном Неба.

Всё это реалии феодальных междоусобиц, которые были нормой пару веков до Чжаньго, в период Чуньцю, и продолжались вплоть до завершения процесса дефеодализации. «**Дефеодализация**» – важный термин, на который стоит обратить особое внимание. Он означает деградацию периода особых отношений, когда центральная власть верховного правителя, давно уже лишь олицетворявшего династию и сохранявшего свой сакральный статус сына Неба, приходила к логическому концу. Собственно, весь период Чжаньго являл собой динамическое перемещение центра тяжести чжоуского Китая из столицы *вана* с его окружением и разными сакральными символами (в частности, знаменитыми полуполюгендарными девятью треножниками) в сторону одного из наиболее крупных царств.

Вначале дом верховного правителя и весь чжоуский Китай не то чтобы неявно и негласно, но нелегитимно контролировали поочередно гегемоны-*ба* из Ци и Цзинь. Потом борьба за не столько формальную,

сколько реальную гегемонию усилилась включением в неё поочерёдно некоторых других крепких правителей разных царств, доминировавших недолго и сменявших друг друга. А затем, и особенно после реформ знаменитого Шан Яна, на авансцену чжоуской истории вышло полуварварское западное царство Цинь, которому было суждено одолеть всех и создать вместо медленно, но зато неуклонно дефеодализировавшегося чжоуского Китая централизованную бюрократизованную империю. Достигнуто это было в ходе серии огромных по масштабу войн, в которых участвовали многие сотни тысяч воинов. И здесь важно сказать о войнах, которые, во всяком случае во всей полновесности и значимости своей, в томе практически почти не представлены.

Вначале, что вполне естественно и само собой разумеется, это были феодально-рыцарские войны, очень сходные по стандарту с европейско-средневековыми, но в существенных деталях от них отличные. Князья и их вассалы, в том числе низшие и наиболее многочисленные из них, рыцари-*дафу*, сражались на боевых колесницах, а сила царств расценивалась обычно количеством, сотнями таких колесниц. Сталкивались в сражениях на обширных боевых полях сражений друг с другом поэтому не всадники, как в Европе, а вооружённые копьями, кинжалами и арбалетами рыцари и их помощники. На каждой колеснице трое воинов; остальная пехота позади на первых порах была практически не в счёт. Но понемногу картина менялась. Во второй половине периода Чжаньго рядом с воинами на колесницах всё чаще стали появляться офицеры пехоты, так называемые *ши*. Вообще-то такие *ши* бывали и раньше, одним из них был отец Конфуция Шу Лян-хэ (это конец периода Чуньцю). Но тогда они являли собой некоторую редкость, а задавали тон рыцари-*дафу*.

Однако с уменьшением количества сильных царств, ростом населения в них и усложнением войн, в которые вовлекалось всё больше пехотинцев, тогда как рыцари на колесницах в процессе дефеодализации уменьшались в числе и переставали играть ведущую роль в сражении, ситуация менялась. Перемены привели к тому, что к концу Чжаньго феодальные войны, как то происходило и в Европе, уходили в прошлое, а на смену рыцарям-*дафу* приходили ратники-солдаты с их офицерами-*ши*, многими сотнями тысяч принимавшие участие в крупных сражениях сильных царств. Процесс со временем усиливался, а борьба к концу периода велась уже не столько за усиление одних князей с титулами *ван* в соперничестве с другими, сколько за позицию сына Неба с его сакральным статусом и 9 большими бронзовыми треножниками как символом власти Сына Неба (*тянь-цзы*). Почти ничего из этого вы не найдёте в томе, тогда как главный смысл

Чжаньго, если судить по названию периода и его историческому месту в процессе перехода от феодальной раздробленности через дефеодализацию к новой форме социополитической организации Китая, именно в этом.

А с периода Цинь (с 221 г. до н.э.) начинается императорский Китай, сумевший дожить до XX века. Если говорить о социополитической структуре Китая (средневековья как исторического этапа история Востока не знает; термин этот европейский), то об этом авторы и редактор тома тоже могли бы сказать более определённо. Главное здесь, разумеется, не искать марксистские формации и не пытаться заменить их, как то одно время у нас делали, цивилизациями. Урбанистические цивилизации – разные и исполняют важную, но иную функцию по сравнению с социополитической. На мой взгляд, лучший вариант – если говорить именно о социополитическом стандарте общества и государства – сводится к использованию понятия-термина «**власть-собственность**», которое моими усилиями давно и очень настойчиво вводится в учебники для востоковедов². Смысл этого понятия в том, что на Востоке издревле, с догосударственной поры, шло сложение социума и ранних форм протогосударственности. Шло в форме концентрации власти в руках какого-то старшего. Ему коллектив – ну, почти прямо по незабвенному Ж.Ж. Руссо – в обмен за посильную защиту от любых внешних угроз и за более или менее комфортное существование автоматически передавал право централизованного перераспределения (редистрибуции) совокупного продукта коллектива. По мере роста и развития социума и государства в нём возникала устойчивая структура власти-собственности с всемогуществом высшего носителя власти, сакрализованного олицетворения социума.

У главы государства-социума, имевшего разные модификации, концентрировалась **вся власть** и, как её функция, **вся собственность** большого коллектива. **Власть, что важно, первична, а вот собственность вторична и зависима**, как и сами подданные правителя, **от главы, носителя высшей власти**. Это не исключало возможности возникновения частной собственности, даже и богатых собственников. Но то, что принципиально отличало восточную частную собственность от антично-протобуржуазной собственности ранних граждан древнегреческих полисов, были **право и закон**. В античном мире они оказывались гарантией и заботой выборно-сменяемой власти тех же граждан о собственности гражданина, тогда как на Востоке (великолепный пример – законы Шан Яна в период Чжаньго) право и закон были орудием в руках правителя, который мог, если пожелает, сделать с подданным, в том числе и с подчинённым собственником

и его имуществом, всё, что ему угодно. Улавливаете разницу? Она, если уж на то пошло, хорошо заметна и в наши дни. Это и есть власть-собственность по восточному, стандарт *мировой деревни* – отличие от античного *мирового города* с его принципом самоуправления (восточный город этого не знал).

Всё это блистательно раскрыл древнекитайский период Чжаньго, но ничего такого даже близко вы не найдёте на страницах тома, о котором идёт речь и который этому периоду специально посвящён. Я бы мог продолжать и дальше в том же роде, но не вижу особого смысла. Том издан и его уже не исправить. Какой есть, таким и останется. Можно разве прибавить к нему в рамках всего многотомного проекта какой-то другой под примерно тем же названием, чтобы не сбивать читателя с толку. Это сможет помочь ему, если он захочет, как-то разобраться, что к чему.

Примечания

¹ Для сравнения и сопоставлений рекомендую читателю свои тома: *Васильев Л.С.* Древний Китай. Т. 1: Предыстория, Шан-Инь, Западное Чжоу (до VIII в. до н.э.). М., 1995. 375 с.; Т. 2: Период Чуньцю. (VIII–V вв. до н.э.). М., 2000. 620 с.; Т. 3: Период Чжаньго (V–III вв. до н.э.). М., 2006. 675 с.

² *Васильев Л.С.* История Востока в 2 тт. М., 2013 (6-е изд.).